

Ю. Л. САЗОНОВА

И. А. Бунин. «Весной в Иудее» и «Митина любовь»

Изд-во им. Чехова, 1953

Вышедшие теперь две книги Бунина не являются пестрым собранием уложенных под одну обложку вещей, а представляют собой как бы цельное произведение, в котором нельзя переставить частей, не нарушив скрепляющей их внутренней гармонии. «Солнечный удар» любви еще беззаботной, но уже неодолимой, дает в начале книги первую, короткую ноту печали. Тема проходит, нарастая и усложняясь, до последнего выстрела в «Митиной любви».

Для Бунина нет случайностей, которые сплетают и расторгают души в их стремительном влечении. Только раз можно отдать себя другому. Есть ли счастливая любовь в царстве Бунина? Как будто нет. В триедином образе — расставания, измены, смерти, — разлука разрывает хрупкую нить человеческой любви. Но разве можно сказать, что в бунинском мире нет счастья? Все творчество Бунина говорит о счастье, утверждает земную радость. Все оно озарено светом, весенней прелестью, горит юностью, и природа отвечает ему согласным движением зорь и закатов, гроз и облаков, темным очарованием лесов. Сама смерть склоняется перед этой полнотою жизни: она может наложить свою руку, но не в силах даже на мгновение покрыть мраком блеск земного сияния.

Манера бунинского повествования слита с его темой и не была использована до него, как не может быть повторена после него. Быстрые уклоны бунинского пера оставляют жгучую, незаживающую в памяти боль. Даже не найдено названия для коротких, на полустраницу, рассказов Бунина, открывающих всего человека, попавшего под луч бунинского фонаря. «В Альпах»,

конечно, не имеет ни по стилю, ни по содержанию ничего общего со стихотворением в прозе, — но это и не картина, не очерк, не маленький рассказ. Это созданный Буниным и введенный им в литературу новый жанр, быть может известной поэтам Ренессанса, но совершенно неведомый нашей эпохе. Краткость тут сочетается с богатством и полноценностью образов, к которым как будто ничего более нельзя прибавить. Бунин вводит этот новый жанр и в свои романы и повести, на миг выдвигая и снова убирая яркий человеческий образ, которого мы уже не забудем.

Но и для вещей более долгого дыхания в бунинском творчестве трудно подобрать правильное название, так непохоже это на то, что принято обозначать именем небольшого рассказа или повести. Во всем своем творчестве Бунин не схож ни с одним из своих современников или предшественников, даже тех, кого любил, как Чехова, или признавал, как Тургенева. Упрямо и одиноко он отказался от всего готового и создавал свою манеру письма, свою тему, свой собственный творческий мир. Нет у него принятого навсегда «бунинского стиля», раз навсегда выработанного «бунинского языка», — каждый раз он кует новое оружие, бесконечно меняя и разнообразя манеру и форму своих вещей. Нет у него и своих «бунинских» повторяющихся типов, «своих» образов, которые переходили бы от одного произведения к другому или заражали бы своими свойствами других героев. Как природа по-новому творит каждый лист, так Бунин каждый раз находит новую форму для передачи явившегося ему образа или чувства. И потому таким новым, как будто еще не виденным вами является каждое рожденное им произведение. Собака в «Снах Чанга» может найти своих предков разве в древней Панчатантра, где звери еще свободны и равны человеку, но ни чеховская Каштанка, ни гоголевские собачки, в своей покорной близости к человеку, не знают скорбей пронизательного Чанга, который видит душу своего хозяина и тоскует в своих снах об его былом счастье. Гибнущие, не справившиеся с жизнью, не кажутся Бунину «униженными», и он отдает силу своей нежной жалости безнадежному в падении «Казимиру Станиславовичу», ибо в сердце его не истлела любовь.

Голос Бунина меняется, когда он сворачивает свитки времен и делает далекое простым и близким. Горестное «дней моих на земле уже осталось мало» покрывается мыслью о свершенных судьбах, «ибо дни мои через смерть стали вечны». Но не Лаура, возвещающая своему поэту о бессилии смерти и разрушения, «Прекраснейшая солнца» для Бунина Россия, которой он посвятил всю свою творческую жизнь. С пламенной страстностью он

находит новые и новые ее черты, создает новые и новые ее образы и переходит от любования рязанскими косцами к подлинному славословию нетленной прелести России. Подобно неутомимому исследователю безбрежных земель, Бунин сохранил дерзость искателя, и, не успокаиваясь на уже преодоленном, не удовлетворяясь уже найденным, вечно устремлен в будущее, стремясь найти новые пути изображения для передачи вечно томящих его мыслей о цели и смысле бытия.

